

О ЕВГЕНИИ АЛЕКСЕЕВИЧЕ СКРИПИЛЁВЕ. EXEMPLIS DISCIMUS. К 100-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО

© 2018 г. Е. А. Юртаева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: yurtaeva_ea@ranepa.ru

Поступила в редакцию 13.08.2018 г.

В воспоминаниях Е.А. Юртаевой, аспирантки выпуска 1995 г., о Евгении Алексеевиче Скрипилёве (24.12.1918–21.09.2006) показан облик замечательного мастера — ученого чрезвычайно обширного знания, учителя с выдающимся педагогическим даром и исключительно благородного человека.

Ключевые слова: Е.А. Скрипилёв, ученый-юрист, Институт государства и права РАН.

DOI: 10.31857/S013207690002213-6

Профессора Евгения Алексеевича Скрипилёва хорошо знают современные исследователи-юристы: многие знакомы с ним по его фундаментальным работам по римскому праву, историческим и теоретическим государствоведческим трудам, кто-то знает его как скрупулезного организатора исследований и строгого рецензента, кому-то он известен как авторитетнейший эксперт в области государственно-правового и судебного функционирования, а немногим посчастливилось перенимать опыт у этого замечательного мастера — ученого чрезвычайно обширного знания, учителя с выдающимся педагогическим даром и исключительно благородного человека.

Довелось познакомиться с Евгением Алексеевичем в самом начале моего научного пути. Обращение за консультацией по избранному направлению исследовательской работы к главному научному сотруднику Института государства и права Академии наук Союза ССР (только что ставшей Российской академией наук) обернулось многолетним попечением признанного деятеля науки¹ о мире творческих постижений молодого ученого. Знакомство с этим красивым, интеллигентным, в высшей степени участливым человеком стало для меня примером высочайшего юридического профессионализма, глубокой

научной эрудиции, неподдельного интереса к труду молодого ученого, необыкновенной душевной теплоты и щедрости.

Нужно ли говорить, какие тревоги одолевают молодого человека при его первых шагах на научном поприще? Как важно бывает сказанное одобряющее слово, как нуждается начинающий ученый во внимательном и критическом разборе результатов своих самых первых опытов, когда только формируется авторский стиль и исследовательский “почерк”. Евгений Алексеевич помог мне в этом как нельзя более. Он очень трепетно относился к слову, к тому, как стоит выражать мысли, какие из частей речи для какого исследовательского жанра признать более подходящими. Думаю, каждый пишущий вначале сталкивался с необходимостью преодоления “подражательства”. Но далеко не каждому в рекомендациях по стилистике текста от первого читателя первых трудов доводилось слышать, например, чем в противоположность вам пользовался в подобных случаях А.С. Пушкин или чего в назидание пишущим предлагал избегать М. Горький. Сам Евгений Алексеевич писательским даром был наделен сполна. Не только писательским...

Посчастливилось бывать на лекциях Евгения Алексеевича для студентов. Более уважительного отношения к молодежи видеть, пожалуй, не приходилось. Евгений Алексеевич считал недопустимой задержку с началом лекции.

¹ См.: Скрипилев Е.А. // Новая российская энциклопедия: в 12 т. Т. 15 (1). М., 2015. С. 279.

Ровно в назначенное время — ни минутой позже Евгений Алексеевич приступал к чтению лекции, часто начиная ее с шутки или исторической байки на правовую тему, которых знал немало и которые сообщал с превеликим мастерством рассказчика, а рассказчиком Евгений Алексеевич был отменным. Не одно поколение юристов, которым посчастливилось бывать на его лекциях, глубоких и ярких по содержанию, отмечает их блестящее ораторское исполнение². Замечательный лектор, Евгений Алексеевич увлекал аудиторию не только прекрасным изложением — он буквально завораживал интонацией, всем своим внешним видом. Манера держаться, безупречная выправка выдавали в нем достоинство русского офицера: в свое время он блестяще закончил Военно-юридическую (бывшую Александровскую) академию. Завершал лекцию Евгений Алексеевич примерно одинаково: он приглашал задержаться студентов, которые раньше обращались к нему: для кого-то он подготавливал библиографическую справку — толстые подборки каталожных карточек, кому-то вручал принесенные из дому книги, задерживался с вечерними группами студентов далеко за отведенное лекционное время.

Дружелюбный и благожелательный профессор, Евгений Алексеевич был более чем строгим к тем, кто оказывался по “ту” сторону кафедры. Недопустимым для преподавателя он считал даже минутное опоздание к студентам, поэтому по времени начала лекции профессора Скрипилёва можно было сверять часы. Вообще пунктуальность была “натурой” Евгения Алексеевича. Наверное, не существовало таких обстоятельств, которые заставили бы Евгения Алексеевича задержаться: если его ждали, он всегда был вовремя. Даже если это были студенты. Тем более, если это были студенты!

Как пестовал Евгений Алексеевич аспирантов, знаю не понаслышке. Он откликался на любую просьбу, всегда был готов дать нужную информацию. А научная осведомленность Евгения Алексеевича была просто поразительной. На любой вопрос, который возникал при написании диссертации, Евгений Алексеевич давал чрезвычайно ценные рекомендации, будь то сведения по литературе, по персона-

лиям, документальным источникам. Когда моя работа была в целом завершена и черновой вариант был прочитан Евгением Алексеевичем, в течение месяца ежедневно (!) мы встречались для постраничного обсуждения работы. Этот период я вспоминаю с особенной благодарностью: не считаясь со временем, Евгений Алексеевич держал миссию Учителя и Наставника, щедро передавал свои познания, свой опыт, свою исполинскую любовь к науке.

Евгений Алексеевич увлекательно рассказывал о своих впечатлениях от личного знакомства с учеными, чьи студенческие годы в императорских университетах пришлись на начало XX в. С этим временем были связаны и мои начальные научные исследования. Он также много рассказывал о людях, с которыми доводилось видаться и общаться, делился впечатлениями от знакомства с теми авторитетными учеными, которые моему поколению известны в основном только по их выдающимся научным работам.

Евгений Алексеевич поражал удивительно разносторонними интересами: прекрасно понимал живопись, интересовался декоративным искусством, великолепно знал литературу. С “подачи” Евгения Алексеевича я по-новому открыла для себя Л.Н. Толстого. А как уморительно весело он цитировал Твена или Джерома. Вспоминал о товарищеских волейбольных соревнованиях, а уж о шахматных поединках, завершавшихся в знаменитой семнадцатой комнате Института государства и права ближе к полуночи, ходили легенды.

Евгений Алексеевич бесконечно уважительно относился к труду коллег-предшественников. Когда готовили план диссертации, долго обсуждали, как лучше представить в тексте историографию вопроса. Как научный руководитель, Евгений Алексеевич прививал уважение к чужому труду: достойная работа заслуживает быть отмеченной, оцененной, ее автор — названным в тексте. Всегда при этом Евгений Алексеевич не упускал возможности обратить внимание на стиль даваемой оценки: важна не только сама оценка, важно уважительное отношение к автору и его работе. “Nullus est liber tam malus, ut non aliqua parte prosit”, — поговаривал Евгений Алексеевич, прекрасно знавший античную философию. Сам он был примером дружелюбия вплоть до того, что считал недопустимым оставлять небрежные пометки на листах чужой рукописи.

² См.: Горбунов М.С. Когда мы были молоды... // Евгению Алексеевичу Скрипилеву — ученики и коллеги: сб. науч. ст. М. — Екатеринбург, 2003. С. 3, 4.

При бесконечно уважительном отношении к автору Евгений Алексеевич был строгим и объективным в оценках отечественных научных достижений: очень высоко ценил новизну и смелость, однако к конъюнктурному следованию за политическими новшествами относился весьма скептически. Евгений Алексеевич считал возможным строить идею исследования на сложившейся мировоззренческой основе, а не подчинять его сиюминутной политической моде.

Красивый, статный, Евгений Алексеевич и внешне выглядел безупречно. Всегда элегантно одетый, неизменно внимательный и обходительный, Евгений Алексеевич таким был на работе и дома. Но дома его внимание становилось совсем отеческим: еще чаю? а апельсинку? сейчас я тебе покажу иллюстрации к первому изданию “Мертвых душ”. Евгения Алексеевича невозможно было остановить в его заботливости.

Щедры одаренных способностями людей, таких как Евгений Алексеевич, называют талантливими. А как назвать человека, наделенного даром исключительной чуткости к другим? Неважно, кто этот другой — студент вечернего отделения, аспирант или коллега. Участливость, сердечность, душевность — то, за что бесконечно благодарны Евгению Алексеевичу его ученики. Это замечательно, что много добрых слов самому профессору Скрипилёву успели сказать его друзья, коллеги, ученики, когда отмечали его 85-летие, — в день его рождения 24 декабря³.

Те годы, которые посчастливилось провести, будучи знакомой, с Евгением Алексеевичем, считаю своим редкостным, профессиональным и человеческим везением. Обучаться научной “грамоте”, “взрослеть” на исследовательской стезе мне довелось рядом с необык-

новенной доброты человеком. Через много лет после окончания аспирантуры, когда Евгений Алексеевич узнал о случившейся со мной беде, он передал конверт, не принимая возражений, сказав, что лекарства сейчас дороги. На лечение тех денег хватило с лихвой...

В последние годы Евгений Алексеевич по-прежнему продолжал много работать. Он опубликовал курс лекций по римскому праву: серьезные романисты иначе, как “замечательной классической работой” их не называют. Много внимания уделял профессор персоналиям; книга о В.Д. Спасовиче — пример неподдельного интереса к крупному деятелю, человеку и его времени; сожалел, что имена многих выдающихся творцов российской юридической науки пока не удостоены заслуженного почитания. Не говоря уже о том, с каким интересом Евгений Алексеевич расспрашивал о конференциях, на которых не смог побывать.

Интеллигентность и доброжелательность этого человека привлекали к нему многих. Книг, которые присылали авторы с просьбой высказать свое мнение, на столе Евгения Алексеевича всегда было множество. На радость друзьям Евгений Алексеевич отзывался на любую просьбу. Даже не считаясь с недопомоганием, не отказывался от — ох, как иногда становившегося затруднительным! — личного оппонирования по диссертациям. Как радостно было видеть: снова Евгений Алексеевич за кафедрой, снова завораживает публику темпераментным выступлением.

...Такие воспоминания возникают, когда перебираешь в памяти главные эпизоды жизни в науке, когда раздумываешь о том, какой ценности “университеты” преподавал Евгений Алексеевич. Хочу надеяться, что, пройдя подаренный счастливой научной судьбой отрезок жизненного пути рядом с таким человеком, как Евгений Алексеевич, *non sum qualis eram...*

³ См.: Евгению Алексеевичу Скрипилёву — ученики и коллеги: сб. науч. ст.

ABOUT EUGENE A. SKRIPILEV. EXEMPLIS DISCIMUS. TO THE 100 ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

© 2018 E. A. Yurtaeva

Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation

E-mail: yurtaeva_ea@ranepa.ru

Received 13.08.2018

In the memoirs of E.A. Yurtaeva, post-graduate edition 1995, about Eugene A. Skripilev (24.12.1918–21.09.2006) shows the appearance of the wonderful wizard of scientist extremely vast knowledge, teachers with outstanding teaching talent and exceptionally honorable man.

Key words: E.A. Skripilev, scientist-lawyer, Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences.